
Мария
ВЫСОЦКАЯ
18+
Он поспорил на тебя
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

Мария Высоцкая

Он поспорил на тебя

«Автор»
2026

Высоцкая М.

Он поспорил на тебя / М. Высоцкая — «Автор», 2026

Глеб Стеклов — зарвавшийся мажор без каких-либо моральных принципов. Я всегда считала его придурком, но одна ночь все изменила. Он спас меня от хулиганов, и я искренне решила, что плохим он просто притворяется. Влюбилась. Думала, это взаимно, но это был всего лишь спор. Спор на меня. На мою невинность. Месть за его задетое самолюбие.

© Высоцкая М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1 5
2 7
3 9
4 11
5 13
6 15
7 17
8 19
9 21
10 22
11 24
12 26
13 28
14 30
15 32
16 34
17 37
18 40
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Мария Высоцкая
Он поспорил на тебя

1

Глеб

— Прости. Я случайно…

Резко отшатываюсь и смотрю себе под ноги. Кеды в хлам. Эта дура уронила на них какую-то дрянь типа тако. Этот день с самого утра был с душком.

— Случайно? — Бегло прохожусь глазами по тощей фигуре, которую не спасает даже короткая юбка. Ноги не привлекают, а колени даже отпугивают. Уже давно пришел к выводу, что женщин с красивыми коленями чертовски мало…

— Я правда не хотела. Я могу постирать…

Постирать? Не, так не прокатит. Не сегодня точно.

— Слизывай.

Герман, стоящий рядом, давится смешком.

— Что? — девчонка округляет глаза и боязливо пятится, обнимая руками свои плечи.

— Ты слышала, — расплываюсь в улыбке. — Приступай.

Убираю руки в карманы, а вокруг нас уже собирается плотный круг зевак. Смешки летят теперь со всех сторон, как и перешептывания.

— Кто это такая?

— Первачка.

— Попала…

— Я жду, — чуть повышаю голос, чтобы она слышала меня, несмотря на шум вокруг.

— Глеб, ты же шутишь? — бормочет, глупо улыбаясь.

То есть кто я — знает. Занятно, и оттого более печально. Если знала, то какого черта лезла под ноги?

— Я похож на клоуна?

— Нет. Но… — хмурится, а потом, растянув губы в некрасивой улыбке, лезет в свою сумку. — Вот! У меня салфетки есть, влажные, — протягивает пачку.

— Предлагаешь мне самому этим заниматься?

— Нехорошо, — поддакивает Гера с гадкой ухмылкой.

— Я… ну… нет. Нет. Я сейчас… сейчас сама все вытру.

С каким-то злорадным удовлетворением наблюдаю за тем, как она вытаскивает салфетки из пачки и присаживается на колени. Есть в ней что-то отталкивающее, не внешне, внутренне. Даже вполне двусмысленная поза не привлекает.

Пока она вытирает мои кеды, нас обступают еще более плотным кругом. Кто-то начинает вести прямую трансляцию, отвешивая идиотские комментарии. Это забавляет и раскачивает толпу только сильнее.

Убираю руки в карманы джинсов, наблюдая резкие изменения — толпа, подобно морским волнам, начинает раскачиваться. Прислушиваюсь к перешептываниям:

— Ростовецкая.

— Точно, нарисовалась. Че щас бу-у-удет!

— Эй, расступитесь, — слышу знакомый голос. — Что здесь происходит вообще?

Поворачиваю голову, наблюдая за тем, как *эта* коротышка расталкивает зевак и вылезает в центр круга. **Это не девка, это настоящая язва. Вирус с высокой вероятностью летального исхода. Долбаная активистка и гордячка — Алиса Ростовецкая.**

— Стеклов, ты совсем больной? — наезжает на меня, как только видит. У нас с ней вообще взаимная «любовь» с первого взгляда. Она та еще зануда. — Алина? — дергает за руку амебу, усердно отмывающую мои кеды. — Выброси это. — Отбирает у нее салфетку. — Ты с ума сошла?! Поднимайся, я тебе говорю!

Алиска прищуривается и снова смотрит на меня, уперев руки в боки. Толпа к этому моменту начинает рассасываться. Эту шмакодявку в универе даже преподы стороной обходят, она любого задушнит. Вся такая правильная, а, как по мне, долбаная целка-истеричка.

— Ростовецкая, ты ничего не попутала? — подхожу к ней вплотную.

— Я? Ты кем себя возомнил, Стеклов? Крепостное право давно отменили.

— Она. Испачкала. Мои. Кеды, — давлю голосом. — Скажи спасибо, что не языком их теперь оттирает.

— Ты совсем придурок? — толкает меня в грудь. — Засунь себе свои кроссовки знаешь куда?! Алина, пошли отсюда! А ты, Стеклов, бойся, чтоб тебе теперь никакой кирпич на башку не свалился. Понял?

— Не очень, — склоняю голову вбок, глядя этой наглой выдре в глаза.

Ростовецкую я, как и все здесь, — не трогаю. Слишком она занудная и бесячая, чтоб об нее пачкаться. Но сегодня эта язва перешла грань.

— Тогда посети врача, если так туго соображаешь, — снова толкается и топит в сторону лестницы, упорно утаскивая за собой свою подружку.

— Глебыч, Ростовецкая чет слишком борзая стала. Не кажется? — спрашивает Герман, закидывая руку мне на плечо. Мы, как два осла, пялимся Алиске вслед.

— Надо проучить, — киваю. — Месяц, и будет бегать за мной, как собачонка, с влюбленными глазами. В этот раз она меня реально выбесила.

— Ростовецкая, кроме преподов, чтоб исправить пятерку на пятерку с плюсом, ни за кем не бегает, чувак.

— Спорим? — протягиваю ладонь. — Ставлю свой байк.

Теперь это, блин, дело принципа.

2

— Спорим, — кивает Герман. — Но давай увеличим ставки. С меня тачка в случае проигрыша.

— Какая?

— Любая. Но эта коза не просто будет в любви тебе клясться, а целку свою отдаст.

— Стесняюсь спросить, как ты проверишь?

— Хоум-видео. От первого лица сними. Во! Сделай так, чтобы она на это согласилась.

— Занятно, — ржу, прикидывая, насколько это вообще осуществимо. — Ладно. — Бьем с Германом по рукам. — Месяц, и готовь тачку.

Алиса

— Алиса, мне больно! — пищит Алинка, начиная упираться.

Оглядываюсь. Из холла мы вышли и даже отошли на безопасное расстояние от корпуса. Останавливаюсь и выпускаю руку сестры из своего захвата. Саму все еще немного потряхивает. Кто бы знал, сколько усилий мне приходится прикладывать, чтобы быть такой смелой. Каждый раз, когда вступаю с кем-то в конфликт за справедливость, дрожу, как лист на холодном осеннем ветру. Я ни капли не смелая, просто притворяюсь, чтобы меня лишний раз не трогали. Сама же после вот таких перепалок ловлю лютые отходняки до черных пятен в глазах. Пульс в космос улетает в такие моменты.

— Зачем ты себя унижала, Алина? — не могу не прикрикнуть.

Я за ней всю свою жизнь приглядываю, несмотря на то, что разница у нас всего два года. А сейчас вот недоглядела, получается… Если родители узнают, виноватой останусь я.

Этот чертов Стеклов, чтоб он провалился! Была бы физически сильнее, все глаза б ему выцарапала! Он Алинку чуть ли не на коленках перед собой ползать заставил и кроссовки ему натирать.

— А что я могла сделать? — сестра всхлипывает.

— Послать его на фиг!

— Ты же знаешь, кто такой Глеб, — шмыгает носом и оглядывается на здание университета. — Он бы такое не простил.

— Не простил? Это я ему такое не прощу! — пыхчу от злости. — **Кто такой Глеб Стеклов? Больной ублюдок. Дегенерат. Имбецил. Придурок конченый,** — ворчу, шагая к остановке, снова схватив сестру за руку.

Занимательно, что для других он звезда универа. Его даже преподы боготворят. Красивый, богатый и, что для меня прискорбно, совсем не тупой. У него там даже разряд какой-то по шахматам есть, и математические задачки он как орешки щелкает. Но при всем при этом человек он ужасный и мало кого вообще за людей считает…

— Алиса, не кричи так, — шепчет Алинка. — Вдруг кто-нибудь услышит…

— Пусть слышат. Я никого не боюсь, — сама себя в этом убеждаю.

По крайней мере стараюсь. Мне приходится такой быть. Я знаю, что за меня никто никогда не вступится. Так было всегда. В детстве отец четко дал понять, что я всегда должна выгребать сама, вот я и выгребаю.

Алина горестно вздыхает и ускоряет шаг, чтобы за мной поспевать. Радует, что пары и у меня, и у нее уже закончились. Сейчас отвезу ее в общагу, а потом поеду на работу. Поработаю Бэлль для пятилетней девочки, а потом забурюсь в какую-нибудь кофейню, чтобы добить курсач для Юрьева с третьего курса.

Родители не балуют нас деньгами, поэтому работаю я с первого курса. Плюс беру курсачи на заказ, получаю повышенную стипендию, лезу из кожи вон, чтобы закрывать семестры без четверок…

— Алис, смотри, — Алинка пихает меня в бок локтем.

Поворачиваю голову и вижу морду Стеклова, торчащую из окна поравнявшейся с нами машины.

3

— Чего тебе надо? — спрашиваю, глядя ровно перед собой.

— Извиниться хотел.

— Ты? — недоверчиво его осматриваю.

Мы с сестрой продолжаем идти по тротуару, а машина, в которой сидит Стеклов, катится рядом со скоростью нашего шага.

— Почему тебя это так удивляет, Алиса? Я умею признавать свои ошибки. Был не прав, — пожимает плечами, а потом расплывается в подозрительной улыбке. — Прости, Алина. Давайте я вас подвезу.

Сестра поджимает губы и убирает за ухо прядь волос, не без интереса разглядывая машину Глеба. «Роллс-ройс». Там еще спереди и сзади кортеж из охраны. Понятия не имею, чей он сынок, но охраняют его как президента. Всегда.

Только кому он нужен? Такого даром никому не надо!

— Отвали от нас, Стеклов.

— Алис, — шепчет сестра, — он же извинился… Давай поедем.

— Я не ослышалась сейчас? — смотрю на Алинку во все глаза.

Нет, это уже ни в какие рамки. Он ее унизил, а она перед ним хвостиком виляет сейчас?!

— Алис, ну зачем нам все эти проблемы? Он извинился, я извинения приняла…

— И это правильное решение, — встревает Стеклов.

— А я не приняла, — прохожусь по этому слизню надменным взглядом и ускоряю шаг. Алинка почти бежит следом.

— Ну, окей, Ростовецкая, главное, потом не пожалей, — Стеклов как-то странно улыбается, и его машина резко уезжает вперед.

— Алиса! — причитает сестра. — Ну вот что ты наделала? Почему ты вечно нарываешься?!

— Что за извращение ситуации, Алина? Не ты ли десять минут назад ползала перед ним на коленях под смешки толпы?

— Ну было и было, — тараторит сестра. — Людей нужно уметь прощать. К тому же если мы задружимся с Глебом, то попадем в его компанию. Представляешь, какие там парни? Это же совсем другое измерение.

Смотрю на Алинку и не верю в то, что слышу. Она всегда была слишком инфантильной и мечтательной. Но это уже переходит все существующие грани.

— Это так не работает. Ты же понимаешь? Мы с ним не подружимся, никогда.

— Это почему?

— Да потому что, Алина. Он дружит с такими же уродами, как он сам. Этот его Герман в том году слил по чатам универа видео, как развлекался с англичанкой. Ее сначала затравили, а потом уволили. Нормальные люди, по-твоему, так делают?

Алина задумывается и, приложив пальцы к губам, выдает:

— Может быть, она сама…

— Что?

— Спровоцировала.

Прирастаю к асфальту в эту же секунду.

— Ты серьезно?

— Ну а что? Всякое может быть, — сестра пожимает плечами и, высвободив руку из моей ладони, идет вперед.

Наш автобус как раз подъехал к остановке.

Всю дорогу анализирую сказанное Алиной. Пялюсь на нее, будто никогда до этого не видела. Сестра же зависает в телефоне, ничего не замечая.

Родители очень хотели, чтобы мы с сестрой учились вместе. Когда я рядом с ней, им спокойнее, поэтому весь прошлый год я подтягивала сестру онлайн по всем егэшным предметам. Ей было жизненно необходимо поступить на бюджет. Платное обучение, да еще в Москве, наши родители не потянут.

Они не тянут финансово, но я, как оказалось, отлично тяну ее умственно. Вытаскиваю из передряг, приглядываю и вечно дописываю за нее какие-то работы, чтоб ее не отчислили.

Помощь младшей сестре словно вшита мне на подкорку…

— Так, я сейчас быстро перекушу и поеду в агентство, — сообщаю, как только заходим в комнату.

Мы живем в общаге. В комнате нас четверо. Я, моя одногруппница, еще девочка, с которой мы вместе работаем в профкоме, и Алинка.

— Не понимаю, как у тебя только хватает сил летать, как электровеник, — смеется сестра. — Я постоянно хочу спать, а просыпаемся мы с тобой примерно в одно время утром…

— Привычка, — пожимаю плечами и перехватываю бутерброд. — Так-с, вернусь поздно, — надеваю пальто-пиджак.

— Хорошо, — Алина зевает и забирается на кровать.

Машу ей рукой и выбегаю за дверь. Через час я должна быть в агентстве. Сегодня у нас аншлаг. Вызвали абсолютно всех.

Event-агентство, в котором я работаю с середины первого курса, организовывает детские праздники. Клиенты у нас очень состоятельные. Поэтому заплата соответствующая. По-хорошему, я бы уже давно могла снимать себе маленькую студию, а не ютиться в общаге, но я коплю на будущее, поэтому предпочитаю не шиковать.

— Алиса, привет! — улыбается Дана, как только я забираюсь в микроавтобус. — Как дела?

— Нормально. Как думаешь, надолго мы?

— Без понятия. Виктория сказала, праздник для ребенка закатили помпезный. Мы все так, для массовки. Там целый список. Певцы, певицы, блогеры, артисты цирка, танцоры, даже балерина, прикинь?! Хотела бы я так отпраздновать свои шесть лет.

— И не говори, — смеюсь.

Пока ждем ребят, успеваю открыть ноутбук и набросать еще одну главу в курсовой. Как только наша машина трогается, прячу лэптоп в сумку и смотрю в окно. Естественно, мы едем за город. Естественно, в охраняемый поселок. Естественно, дом, который перед собой видим по приезде, впечатляет своими габаритами, как и вся прилегающая к нему территория.

— Замок целый, — шепчет, кажется, Костя.

— Ага, — киваю и совершенно случайно останавливаю взгляд на стоя́щих неподалеку машинах.

Несколько раз моргаю. У меня хорошая память на цифры. Я сама не понимаю, почему их запоминаю, даже когда этого не требуется.

— Не может быть, — бормочу себе под нос, а по коже ползут неприятные мурашки.

Это машины Стеклова. Весь его кортеж здесь. Вряд ли он бы поехал на день рождения к шестилетке. Неужели это его дом?

Ну за что мне такое «везение»?

4

Глеб

— Машка. — Швыряю в эту мелкую козявку подушкой, выдергивая ее из-под своей головы. — Я тебе сколько раз говорил по моей комнате не шастать?!

Опираюсь на локти и смотрю на эту козу, почти бесшумно просочившуюся в дверь.

Сестра дует губы, но продолжает вышагивать к центру спальни.

— А когда ты к себе в квартиру уедешь? — спрашивает, пряча руки за спиной.

— Нормальное у тебя такое гостеприимство, — ухмыляюсь и сажусь на постель.

— У меня тут шалаш, вообще-то, — громко цокает языком и шуршит длинным подолом розового платья в сторону моей гардеробной.

Шалаш. Отлично. В доме хрен знает сколько комнат, но шалаш она строит в моей!

Поднимаюсь на ноги и иду за Машкой следом, почти сразу прихватывая ее за шиворот.

— Я тебе гово…

Замолкаю на полуслове, рассматривая поставленную по центру гардеробной палатку, а потом взгляд цепляется за два разодранных на лоскуты свитера.

— Маша, бл… — глотаю матерное окончание, — это лимитка, между прочим, — поднимаю остатки свитера с пола.

— Это Мики сделал, — пожимая плечами, сдает шпица с потрохами.

— Пушистый уродец.

— Глеб, а что ты мне подаришь? — переводит тему.

Машка задирает голову и выжидающе на меня пялится, абсолютно не догадываясь, что найти подарок пятилетке, которой вот-вот стукнет шесть, та еще задачка.

— Скоро узнаешь, — щелкаю ее по носу, и малая тут же его морщит.

— Ну Глеб!

— Место в детском доме, — злобно шепчет Марьяна, подперев плечом стенку за моей спиной.

— Вас сюда всех как магнитом тянет? — спрашиваю и показываю ей фак. Мари ухмыляется и надувает пузырь из жвачки, который лопается с громким хлопком.

— Ага, — кивает и подходит к Машке. — Чего у тебя на голове? — Вздыхает и присаживается на корточки. — Давай я тебя причешу, и кудри хоть сделаем.

— Давай, — мелкая сразу соглашается.

Бегло прохожусь взглядом по своей шестнадцатилетней сестре. Рваные черные колготки в крупную сетку, кожаная юбка, корсет, выбеленное и растрепанное каре, смоки, стрелки, тонкие брови, платформа сантиметров десять. Такое чудо ночью увидишь, ни одними трусами не отобьешься.

— Ты эту юбку с мертвой шлюхи сняла? — спрашиваю, не учитывая наличия здесь живого диктофона, который в любой момент врубит компрометирующую тебя запись на всю катушку.

— Кто такие шлюхи? — тут же оживает Машка.

— Ты этого не слышала! — прикрикиваем с Марьяной в один голос.

— Шлюхи! Шлюхи! Шлюхи, — мелкая ржет и скачет вокруг нас, как поехавший тушканчик.

— Маша, сядь уже, — шипит Марьяна, — иначе будешь на всех фотках растрепанным чучелом.

— Ладно, — мелкая затихает и усаживается на стул.

— Отлично. Сейчас принесу стайлер.

— Вы тут собрались этим заниматься? — продолжаю возмущаться больше по привычке.

— А где еще? Ты видел, что вообще в доме творится? Там люди толпами бегают. Ушла за стайлером.

— Глеб, — Маша запрокидывает голову, чтобы видеть мое лицо.

— М?

— А папа приедет?

— Не думаю, — отворачиваюсь, уверенный, что тема закрыта, но Машка повторяет свой вопрос Марьяне, как только та возвращается в мою комнату.

— Ты же знаешь, что нет, Маш.

— Почему?

— Потому. Сиди смирно.

— Мать где? — спрашиваю, вроде как наблюдая за процессом укладки. На самом же деле гоняю в башке мысли о том, когда вообще в последний раз видел отца.

— У себя. Еще с утра к бутылке приложилась. Думала, что МК позвонит.

МК, собственно, Марк Константинович. Наш отец. Мать всегда его так называет при Машке, если слова оказываются заточенными не под детские уши. К нам с Мари тоже прицепилось.

— Не понимаю, чего она ждет? Он на Багамах со своей Яной. Эта шалашовка меня всего на три года старше, Глеб. Прикинь. Фу, как представлю их секс…

— Угу. — Отвлекаюсь на телефон, да и фантазировать на тему, кого и в каких позах трахает мой батя, как-то желания не имею. — Гера приехал. Встречу пойду.

— Ага, иди. Мы скоро закончим.

Выхожу из комнаты, стараясь перестроить поток мыслей и сбить этот унылый морок, который в них появляется после всех этих разговоров о предках. Спускаюсь на первый этаж, сразу выцепляю Гришина из толпы гостей.

— Глебыч!

— Гера, бля. — Рассматриваю друга, вырядившегося в стремный леопардовый пиджак. — Одна шлюху раздела, второй — сутенера.

— Ты просто не шаришь за стиль. — Стряхивает со своего плеча несуществующие пылинки. — Элина Даниловна, как всегда, шикарно выглядит, — косится на мою мать, болтающую с его предками.

Я знаю Герины пристрастия к телкам постарше, и от этого к горлу подкатывает тошнота.

— Фу, Гера, не смотри так на мою мать.

— Сорян, — прекращает лыбиться. — Не понял, это Ростовецкая, что ли?

Резко поворачиваю голову в ту же сторону, что и Гера.

— Она, — киваю. — Какая неожиданная встреча...

— Она… аниматор? — Гера хмурит брови.

— Ага, — снова киваю, уверенно направляясь к Ростовецкой. — Алиса, — зову и расплываюсь в улыбке, когда вижу ее перекошенное то ли от ужаса, то ли от удивления лицо.

5

Алиса

Боже мой, это и правда его дом! Как такое могло случиться?!

Я уже успела увидеть парочку семейных фотографий в гостиной. А теперь вот Стеклов собственной персоной надвигается прямо на меня.

Ну вот чего он ко мне прицепился? Мстит за нашу обеденную перепалку? Так сам виноват!

— И снова здравствуй, Алиса, — убирает руки в карманы джинсов, перекатываясь с пяток на мыски.

Замираю перед ним, решая, что делать дальше. Чувство самосохранения подсказывает — бежать. Но, вопреки этому самому чувству, я останавливаюсь. Стою перед Глебом в костюме феи, у меня даже крылья есть, и чувствую на себе его насмешливый взгляд. Даже жалею, что уступила Диане платье Бэлль.

Костюм феи тяжелый. В конструкцию крыльев, чтобы они держались у меня за спиной в сложенном виде и я могла, потянув за шлейку, их раскрыть, вмонтированы железные прутья. Держится все это на стискивающем мою талию корсете. В нем жутко неудобно, жарко и тесно.

— Привет, — киваю, возобновляя шаг.

Глеб быстро подстраивается.

Мы выходим в широкий коридор.

Ускоряю шаг и смотрю ровно перед собой. Разговаривать с ним я не буду. Ни за что.

Стеклов же, будто специально, периодически задевает мою руку своей. Будто знает, что я терпеть не могу, когда меня трогают чужие люди.

Все эти поцелуи тетушек, которых ты видишь раз в несколько лет, в щеки, приветственные объятия троюродного брата мамы, который якобы много лет назад менял тебе подгузники, — бр-р-р. И это вроде как родственники. А тут какой-то левый парень с замашками бога. Фу!

От каждого такого прикосновения я невольно вздрагиваю и нарушаю данное себе обещание молчать.

— Чего тебе от меня надо? — ворчу, снова ускоряя шаг. Еще немного, и перейду на бег.

— Крылышками помашешь? — Глеб ухмыляется.

Боже, ну что за детский сад? Хочется накрыть лицо ладонью просто потому, что это испанский стыд, дамы и господа.

— Стеклов, мне не до твоих приколов сейчас. Я на работе.

Ну да, такому, как он, и в голову не придет, что людям приходится работать, чтобы обеспечить себе будущее. Иногда в костюме феи, а иногда — какой-нибудь стремной ведьмы или водяного…

— Кто банкует, тот и заказывает праздник. Так что я твой работодатель на ближайшие несколько часов, и ты должна…

— Скорее, мои работодатели — твои родители. Они же платят, — подмечаю не без улыбки, и Глеб недобро прищуривается.

Ну а что? Разве я не права? Права. Только эта правда отскочила у меня от зубов в мгновение ока, а иногда мне все-таки стóит фильтровать речь и не молоть все, что приходит в голову. Не один же раз уже себе так проблем наживала.

— Значит, ты здесь в качестве моего развлечения? — снова расплывается в улыбке, дергает меня за руку, а потом толкает к стене.

И ничегошеньки я не нервничаю и не боюсь в этот момент. Вот совсем. Да, хочется зажмуриться, сжаться, а лучше сбежать, но я не позволяю себе такой глупой слабости.

— Ну, если ты шестилетняя девочка Маша, то да, — смотрю на него и даже огорчаюсь, что за такой красивой внешностью скрывается такая мерзкая гадость.

Стеклов и правда красивый. Высокий, широкоплечий, подтянутый. У него темные жесткие волосы, уложенные назад, точеные скулы, но при этом мягкая линия губ. Одна бровь пробрита наискосок.

А еще я знаю, что на правом плече у него есть татуировка в виде то ли раскатистых молний, то ли вен. И пресс. Самые настоящие кубики! Откуда? Да просто на первом курсе, нам часто ставили физру с третьим курсом, вот он и разгуливал там периодически без футболки по стадиону.

— Для тебя я готов быть кем угодно, — подмигивает, а моя выдержка начинает трещать по швам.

Это сейчас был какой-то намек? Подкат?

Только этого мне не хватало. Не хотелось бы попасть в поле зрения Глеба в таком ключе. Совсем.

Нервно посмеиваюсь, а пальцы Глеба в этот момент скользят по моему предплечью.

По позвоночнику тут же ползет парализующий холодок. Мы здесь одни. Я даже не знаю, где это — здесь. Просто куда-то свернула в надежде, что он быстро от меня отстанет…

— Не трогай, — пищу, а потом бью его по руке. — Я не позволяла тебе к себе прикасаться!

Стеклов собирает пальцы в кулак, смотрит мне в глаза, и я вижу, как в его радужках скапливается ярость.

— Отойди от меня, — выставляю руку вперед.

Глеб молчит. Молчит и смотрит на меня с таким видом, будто прямо сейчас прихлопнет.

— Я буду кричать, — запускаю в него последний аргумент.

— Кричи.

Уголок его губ с ехидцей ползет вверх. Я группируюсь, готовая к чему угодно.

Готовая абсолютно ко всему!

Ко всему, кроме его поцелуя...

6

Он целует меня!

Неожиданно. С напором. С каким-то пресловутым подчинением, на которое я ведусь в первые секунды этого действа, охваченная то ли восхищением, то ли отвращением.

Закрываю глаза, чувствую язык Глеба у себя во рту, мятное дыхание, и не понимаю, как такое вообще могло произойти?!

Он меня целует. Целует! Он целует, а я даже не сопротивляюсь, пока его язык вытворяет с моим такое, что в самый раз раскраснеться с головы до ног. Собственно, я и краснею. Краснею и чувствую, как плавится моя кожа в тех местах, где Стеклов меня касается.

Это не нормально. Это неправильно. Заберите меня кто-нибудь отсюда. Помогите!

Тело все еще сгруппировано. Каждый мускул, каждый нервик на пределе напряжения. Я как струна, вот-вот лопну где-то посередине.

Впиваюсь ногтями Стеклову в плечи и балансирую. Балансирую, потому что, оказывается, теряю равновесие. Колени подкашиваются. Я словно втягиваюсь в это лицедейство и начинаю ему отвечать. Начинаю целовать в ответ, хоть такое вот поведение вовсе на меня и не похоже.

Пропитываюсь моментом. Проживаю его. Пропускаю каждый гребаный миг через себя, а потом замираю. Пальцы костенеют, губы покрываются коркой льда, а на плечи ложится тяжеленный груз. Я начинаю медленно приходить в себя…

Что я творю? Что со мной происходит вообще? Это же не я!

Опомнившись, вздрагиваю и хриплю ему в губы, которые продолжают меня целовать:

— Пусти!

Извиваюсь змеей, толкаюсь, но Глеб держит меня стальным хватом. Мои попытки высвободиться заканчиваются безуспешно.

Прижать меня к стене из-за крыльев нереально, поэтому он просто зафиксировал мои запястья. Окольцевал их, а пальцами второй руки сжал щеки, чтобы я не могла закрыть рот.

Гадкий поцелуй. Противный. Самый ужасный, и спасибо, что не первый — вот что крутится в моей голове сейчас.

В глазах встают слезы от накрывшего мое тело и разум бессилия. Я трепыхаюсь, но ничего, ничегошеньки не могу поделать со своей участью. Он вцепился в меня, как бультерьер, и не отпускает. Держит, принуждает, кайфует от происходящего.

Он кайфует, а я его ненавижу!

Люто.

Снова дергаюсь, но Стеклов на это реагирует закономерно — зажимает меня сильнее.

— Пусти, — бормочу и чувствую самую настоящую панику.

Темные пятна перед глазами в этот момент сгущаются.

Я совершенно не знаю, что делать. Что делают в таких ситуациях? Смиряются? Но я не готова. Не буду! Ни за что!

Крепко зажмуриваюсь, уже готовая врезать ему хорошенько между ног, но он словно чувствует, отстраняется сам. Не целует больше, но и не отпускает.

— Ты ненормальный? — кричу и пытаюсь вырвать руки из его захвата. — Больной. Тебе лечиться нужно, придурок!

Отплевываюсь, успевая несколько раз ударить его кулаками по плечам и груди.

— Ненормальный, — вытираю рот тыльной стороной ладони.

Стеклов наблюдает за мной с надменной улыбкой, а потом склоняется к лицу.

Сжимаю руки в кулаки и замираю.

— Не притворяйся, что тебе не понравилось, — шепчет и снова чмокает меня в губы, уже мимолетно.

Замахиваюсь, чтобы его ударить, но он перехватывает мою руку и по пальцу разжимает мой кулак.

— Хорошего вечера, Алиса, — произносит спокойно, можно сказать, даже миролюбиво.

— Придурок, — цежу сквозь зубы, чем вызываю у Стеклова лишь бóльшую улыбку.

— Не прощаюсь. Наверное…

Он оставляет мою руку, да и меня в целом, в покое и уходит. Просто уходит вглубь этого чертового коридора.

Прижимаю ладонь к груди, чувствуя удары сердца. Еще я их слышу. Они быстрые-быстрые и отдают в виски. Зажмуриваюсь, чтобы перестать так нервничать, и понимаю, что трогаю свои улыбающиеся губы.

Он меня целовал…

Вздрагиваю и начинаю активно мотать головой.

Бр-р-р-р-р.

— Алиса, вот ты где! Я тебя потеряла, — тараторит подошедшая Диана. — Нам сказали идти туда, в зал. Через двадцать минут спустится именинница. Успеем поглазеть на саундчек артистов. Пошли, — тянет меня за руку.

— Да, конечно, — киваю, как болванчик, быстро переставляя ноги.

В голове до сих пор туманно.

Ди бежит вперед, и мы с ней заворачиваем в просторное помещение. Нет, не просторное — огромное. Тут есть сцена! Сцена прямо в доме, блин.

Останавливаемся у стены. Задираю голову к потолку, любуясь огромной переливающейся люстрой, и пространство окутывает бледно-фиолетовым светом с розовым отливом. По полу начинает ползти тестовый дымок, а из колонок — играть музыка. Артисты уже почти закачивают саундчек.

— Это Ками? — спрашиваю Ди, а сама неприлично пялюсь на известную блогершу.

— Ага, — поддакивает Диана. — А эти? — хмурит лоб, глядя на подошедшего Стеклова, приобнявшего Ками за талию, и смеющегося рядом Германа.

Глеб улыбается, а когда поворачивает голову и видит меня — подмигивает.

Отворачиваюсь, чувствуя себя гадко.

7

Не притворяйся, что тебе не понравилось.
Не притворяйся, что тебе не понравилось.
Не притворяйся, что тебе не понравилось.

Зажмуриваюсь, пытаясь избавиться от голоса Глеба в голове. Изо всех сил пытаюсь, но у меня ни черта не получается. Это настоящий морок. Заклинание, не знаю. Он меня заколдовал?

Улыбаюсь, наблюдая за спускающейся по ступенькам именинницей. Маленькая девчушка в огромном розовом платье. Как только она появляется, люди стекаются к лестнице. Блондинка в кожаной юбке крепко держит малышку за руку, а уже на последней ступеньке Стеклов усаживает ее к себе на плечо. Эта картинка умиляет…

Прикусываю ноготь мизинца и спрашиваю себя: обращала ли я когда-нибудь внимание на Стеклова как на парня?

Естественно. Его трудно не заметить. Он из той породы людей, кто непременно выделяется из толпы. Девчонкам он нравится, я, в общем-то, не исключение. Когда увидела его первый раз на своем первом курсе — была впечатлена. От него что тогда, что сейчас тянуло опасностью и развратом.

Мы с одногруппницей стояли на улице. Был теплый сентябрьский день. Стеклов с Германом приехали на кабриолете с орущей на всю округу музыкой. Я стояла в стороне от всего этого и никак не могла отделаться от ощущения, что попала в другой мир. Какая огромная пропасть — только вчера мы с соседкой по комнате обсуждали различные льготы для студентов, варианты повышения стипендии и страх вылететь с бюджета, а уже сегодня я вижу парней, поливающих машину дорогущим шампанским прямо на парковке универа. Дикость.

Машину тогда приобрел Герман, с бутылкой, извергающей из себя пену, бегал тоже он. Стеклов в этот момент танцевал прямо на капоте с какой-то девчонкой, которая без проблем позволила снять с себя сначала кофту, а потом лифчик прямо на глазах у людей. Перед этими же людьми Стеклов лапал ее за эту голую грудь.

Они были пьяны. В тот момент их ничего не волновало. Совсем.

Странность была во мне само́й, я, подобно всем этим девчонкам, желающим провести с Глебом ночь, очаровалась его улыбкой…

Во всем том балагане я как-то разглядела его улыбку и человека. Дурочка.

Вспоминая об этом, опять трогаю свои губы, а в голове снова крутятся слова Глеба о том, что мне понравилось. Понравилось с ним целоваться…

Нет! Конечно же, нет! Он самый мерзкий человек, из всех, кого я знаю. У него нет чувств, эмпатии, для него вся жизнь — одна большая игра. Он бесчувственный монстр, от которого нужно держаться подальше.

— Как по мне, это самый легкий заказ за последний год, — шепчет Ди.

Мы стоим у столов со сладостями. Именинница уже давно спустилась. Для нее и ее друзей организовали красную дорожку, на которой фоткались, естественно, взрослые.

Маша визжала, увидев свою любимую певицу, что пела только для нее, а потом и с ней. За последние часы произошло так много событий, а мы с Ди почти не сдвинулась с места. Она была права — мы и правда тут для массовки. Живые куклы, не больше.

— Эй, а у тебя волшебная палочка есть?

Мальчик лет семи резко дергает меня за подол платья. Натягиваю улыбку и поворачиваюсь к нему лицом.

— Конечно, я же фея!

— А летать можешь? Крылья модифицированные? На них можно летать или это обманка? А палочка? Это же дешевый пластик без всяких механизмов. Она просто светится и все? — спрашивает, делая максимально скучающее лицо. — Капец.

Мальчик уходит, а мы с Ди удивленно переглядываемся.

— Это что такое было?

— Богатые детки, Алиска.

— Кошмар, — улыбаюсь и замечаю нашего менеджера. В рабочий чат почти сразу приходит сообщение о том, что мы здесь больше не нужны и можем медленно выдвигаться к дому.

— Ну и отлично. Четыре часа пролетели незаметно, а еще я наелась от пуза, — шепчет Ди.

— А мне в этом корсете не то что есть, дышать трудно.

— Жесть.

— Ага, — поддакиваю, и в меня на всей скорости влетает официант с подносом, уставленном бокалами. Красное вино проливается на платье, бокалы крошатся от столкновения с полом, а парень отскакивает в сторону.

— Ты не видишь, куда идешь? — наезжает, как только приходит в себя.

— Чего? Я? Это ты в меня врезался.

— Я? Ты сама…

— Что у вас тут происходит? — голос организатора звучит настолько жестко, что я не решаюсь даже повернуть голову. — Вино вычтем у обоих из зп. Расходитесь.

— Но… — Хочу возмутиться, и Ди тут же дергает меня за рукав.

— Что? — шиплю недовольно.

— Молчи!

— Я не виновата!

— Алиса…

— Ладно, — пыхчу от злости и, отряхнув подол от стекла, топаю дальше.

— Туалет прямо и направо, — подсказывает официант.

Спасибо я ему не говорю, потому что из-за него лишусь части денег.

— Я тогда быстро замою. В машине встретимся.

— Хорошо, — Ди кивает и проходит дальше, я же сворачиваю в туалет.

Открываю дверь, дохожу до раковины, над которой висит зеркало, и замираю, увидев в отражении не просто шокирующую, но и выбивающую из моих легких весь воздух картинку.

Впиваюсь пальцами в край раковины и не могу пошевелиться. Я настолько перепугана и смущена, что не знаю, как лучше поступить.

В углу, почти за моей спиной, привалившись к стене, стоит Стеклов. Его рука покровительственно направляет голову стоя́щей перед ним на коленях блондинки.

Сглатываю, ловлю внутри себя порыв зажмуриться и сбежать, ловлю и даже ухватываюсь за него, но Стеклов ровно в этот миг поворачивает голову. Наши взгляды сталкиваются, и я снова проваливаюсь в эту пропасть из смущения, страха и кружащей голову похоти, от которой хочется отмыться.

Он так смотрит, что меня не покидает ощущение, что на месте ее губ он представляет мои.

8

Во рту тут же пересыхает. Я не могу дышать, двигаться, боже, да у меня даже моргать не получается!

Костяшки белеют. Пальцы начинают болеть от напора, с которым я вдавливаю их в край раковины. Чувствую себя зайцем, что замер от страха, в ожидании, когда хищник пройдет мимо, не заметив его.

Глеб расплывается в гадкой улыбке и, запрокинув голову так, чтобы затылок коснулся стены, шумно выдыхает, прикрывая глаза.

Охваченное паникой тело не слушается. Мышцы напрягаются до такой степени, что я даже отвернуться не могу. Щеки покрываются горячей, красной коркой. Сглатываю, чуть приоткрывая рот, и ощущаю россыпь колючих мурашек на груди. Сердце стучит как ненормальное. Пульс зашкаливает. Звуки вокруг сначала исчезают, а потом разрастаются до такой степени, что хочется зажать уши ладонями.

— На лицо хочу, — выдыхает Стеклов, усиливая нажим ладони.

Блондинка буквально на секунду отстраняется, издавая хлюпающий звук.

— Глеб, у меня макияж, — упрямится на вдохе.

— Тогда на сиськи.

Девушка улыбается и, не задумываясь ни на секунду, оттягивает чашки лифчика вниз, оголяя грудь. Только сейчас осознаю, что ее платье спущено до талии.

— Присоединишься? — предлагает, замечая меня, все с той же хитрой улыбкой.

Мотаю головой и чувствую, как трескается свободный край моего ногтя на указательном пальце, не выдержав давления о край белоснежной раковины.

— Она та еще ханжа, — встревает Стеклов и тут же направляет голову блондинки к своему члену. — Да, Алиска?!

Хочу возмутиться. Закричать. Покрыть их трехэтажным матом, но вместо этого вздрагиваю, наблюдая за тем, как густая белая сперма брызжет на женскую грудь и медленно стекает по соскам.

Охваченная болезненной дрожью, резко отворачиваюсь и покрываюсь холодным потом. Опускаю голову, глядя на стальной слив раковины, плотно сжав губы. Указательный палец начинает подергиваться от боли.

Слышу стук каблуков, за которым следует хлопок двери, и выдыхаю. Смотрю на свою руку, по ладони которой стекает тонкая струйка крови. Я выломала ноготь с мясом. Пытаюсь совершить глубокий вдох, но вместо этого хватаю крошечные порции воздуха, потому что тиски корсета не позволяют грудному отделу работать в полную силу.

— Это все нереально, — бормочу, крепко зажмуриваясь. — Просто глюк, — всхлипываю.

— Более чем реально, — с усмешкой произносит Стеклов.

Он остался здесь? Я же слышала хлопок двери. Слышала. Или…

Стискиваю зубы до боли в челюсти и считаю про себя до десяти. Вечно бойкая, я, кажется, сдулась после этой сцены окончательно.

Она отсосала ему прямо в туалете. Она это делала, а я стояла и пялилась на происходящее, как какая-то маньячка.

Сглатываю слезы и костерю себя на чем свет стоит.

— У тебя кровь, — снова Стеклов. — Лишилась девственности? — усмехается где-то у меня над ухом.

— Не прикасайся ко мне, — тут же подаю голос. — Мне противно.

— Серьезно? Так противно, — переходит на шепот, — что ты досмотрела нашу мини-порнушку до конца?

— Я не… я ничего не смотрела… я…

— Ну-ну, — смеется, — я так и понял, Алиса.

— Ты просто, просто…

Резко разворачиваюсь к нему лицом и, не придумав ничего лучшего, влепляю пощечину.

Стеклов прижимает ладонь к своей щеке и недобро прищуривается.

Моя рука плетью падает вниз. Взгляд бегает по его рассерженному лицу, и я представить боюсь, как он может отреагировать. Он явно пьян. Зол. Да и вообще не имеет каких-то моральных принципов. Что, если бить девушек для него норма? Что, если ударит в ответ?

Боже, Алиса, сначала думай, а потом делай! Это же золотое правило, которое я игнорирую по жизни.

— Неприятно, — морщится, а после снова расплывается в улыбке. — Ты больше по садомазо? — приподнимает бровь.

Давлюсь слюной и начинаю кашлять. Стягивающий талию и ребра корсет только усугубляет ситуацию. Я начинаю задыхаться от нервов и понимания, что сделать даже самый крохотный вдох просто не в состоянии. Меня колотит. К страху близости с Глебом добавляется страх смерти. Это же так глупо — задохнуться и умереть оттого, что ты подавилась слюной.

Стеклов наблюдает за мной буквально секунды и, развернув меня к себе спиной, давит на плечи, почти сразу прижимая лицом к зеркалу.

В панике всхлипываю и понимаю, что могу дышать. Все обошлось. Все, кроме того, что сейчас происходит. Стеклов резко дергает за шнурок на моем корсете, и мой страх тут же трансформируется в настоящую агонию.

Он его развязывает!

— Не трогай меня. Не трогай! Убери руки! — начинаю вопить во весь голос.

9

Выкручиваюсь, ору до хрипоты, но это не приносит никакого результата. Стеклов выламывает из корсета эти чертовы крылья и зажимает меня между собой и раковиной еще сильнее.

Хватаю губами воздух и молюсь, чтобы все закончилось быстро. Я обездвижена. Раздавлена. Я ненавижу его.

— Не откинься тут, вывозить в лес твой труп сегодня у меня нет никакого желания, — произносит, задевая губами мочку моего уха. — Может быть, в следующий раз?! — размышляет с усмешкой, продолжая расшнуровывать корсет.

— Я не хочу, — трясу головой. — Не хочу, слышишь! Если ты что-нибудь со мной сделаешь, я пойду в полицию. Я все им расскажу. Я…

Сглатываю и теряюсь в пространстве. Не чувствуя больше его рук на своем теле — замираю.

— Готово, Ростовецкая.

Всхлипываю. Убираю волосы от лица и смотрю в отражение зеркала.

Стеклов по-прежнему стоит позади меня, но больше и правда не дотрагивается.

Шмыгаю носом и только сейчас понимаю, что могу глубоко вдохнуть.

— Ты…. — Хмурю брови, пытаясь уложить в своей голове произошедшее. — Ты…

— Помог, — расплывается в улыбке. — Это у людей так называется, Ростовецкая.

— Ты…

Хватаю губами воздух и, не сдерживая себя больше, разворачиваюсь к Стеклову лицом, начиная лупить его по плечам, груди, рукам.

— Ты псих! Идиот! Ненавижу тебя. Ненавижу!

Стеклов ржет и не дает никакого отпора. Ему весело. Он только чуть-чуть прикрывает свое лицо, на этом все.

Накричавшись и выплеснув всю свою злость, отпрыгиваю от Глеба в сторону. Взгляд сам прилипает к валяющимся на полу крыльям.

— Что ты наделал? — качаю головой, прикидывая, сколько еще денег вычтут из моей зарплаты. — Мне же теперь придется платить за этот костюм.

Присаживаюсь на корточки и подбираю крылышки с пола.

Лиф корсета в этот момент оттопыривается. Тут же прикрываю свою грудь, замечая взгляд Стеклова. Он пялился. Я видела!

Отворачиваюсь и вытаскиваю телефон из вшитого в юбку кармана.

— Черт! Сел, — бормочу, нервно постукивая ногой по полу. — Сколько времени?

Стеклов называет цифру, и я понимаю, что проторчала здесь почти сорок минут.

Прижав к груди все свое добро, выбегаю из туалета и несусь на улицу, туда, где припаркованы наши микроавтобусы.

Каблуки стучат по садовой плитке. Плечи покрываются мурашками от холода.

Останавливаюсь на месте, где был наш транспорт, и опускаю руки. Меня забыли…

— Могу подвезти. Все для тебя, феечка, — шепчет мне на ухо появившийся, как черт из табакерки, Стеклов.

10

Глеб

— Ты пьян, — бормочет, продолжая смотреть на пустую парковку.

— У меня есть водитель, — развожу руки в стороны.

Забавная она — эта Ростовецкая. После эксцесса в туалете стало еще интереснее за ней наблюдать, и да, как она сосет, тоже.

Не ожидал, что она задержится до конца. Такое в моей жизни не впервые, конечно, в ее, что ли, тоже? Ростовецкая у нас горячая штучка или че?

Разглядываю ее, пытаясь понять, в каких ситуациях она прикидывается, а где настоящая. Пока разобраться сложно. Вытаскиваю электронку и делаю пару затяжек.

— Спасибо, обойдусь, — вздыхает и нервно постукивает носком туфли по асфальту.

Замечаю, как ее плечи от дуновения ветра покрываются мурашками. Весна уже пришла, но ночи все еще холодные.

Парю Ростовецкой в лицо, и она морщится от лимонного дыма.

— Без проблем можешь на такси. Только погоди. — Прикладываю пальцы к подбородку, не переставая улыбаться. — Тебе же будет нужно его заказать. Как не вовремя сел телефон, правда?

Алиса бросает на меня злобный взгляд.

— Не убила, но ранила, — закидываю руку ей на плечо. — Пошли уже, злобная недотрожка, заброшу тебя в твою общагу.

— Убери руку, — цедит сквозь зубы.

— Мне, может быть, нравится, тебя трогать.

— А мне нет!

— Мне, может быть, нравишься ты сама, — закидываю удочку.

То, что она не свалила из туалета в первую секунду, наталкивает меня на определенные мысли, которые пока рано озвучивать, и тем не менее надежда есть…

— Тебе? — Алиска смотрит на меня как на говно. — Не шути так, у меня сейчас живот лопнет.

— Зашьем, — пожимаю плечами, и Ростовецкая тут же отпрыгивает в сторону.

— Не трогай! — предупреждающе выставляет руку. Второй придерживает оторванные крылья и корсет, который так и норовит соскользнуть с ее груди.

Бабла за крылья я ей уже скинул. Номер ее телефона подсвечен в половине вузовских мероприятий. Ростовецкая организует все что можно. Поет, танцует, играет в КВН, короче, занимается всякой хренью.

— И все же, почему ты осталась? — решаю давить на одну и ту же мозоль. Часто это очень и очень действенно.

Алиса ускоряет шаг. Куда мы идем, в душе не знаю, но куда-то идем. К утру, может, навернем пару кружков по территории. Тут гектара три, так что…

— Я не осталась, — злится и снова ускоряет шаг.

— Ты смотрела. Тебе понравилось? У тебя какой-то фетиш? Постеснялась присоединиться? Можем продолжить вдвоем, — предлагаю, угорая от того, с какой скоростью краснеют ее щеки. — Если хочешь.

— Не хочу! — кричит мне в лицо, резко останавливаясь.

Вижу, что плачет, но пока не соображаю, с какой радости. Глобально мне плевать, но в рамках спора я должен вроде как проявить участие. Мне нужна моя победа.

— Да ладно-ладно, — поднимаю ладони перед собой. — Я шучу.

— Это не смешно, — всхлипывает. — Это ни капельки не смешно!

11

— Окей, не смешно. Согласен, — выдаю порционно и миролюбиво, все еще пытаясь понять, почему она ревет.

С приветиком, что ли? В универе вроде казалась вполне адекватной. Душной, бесспорно, но не долбанашкой.

Ростовецкая растирает слезы по щекам тыльной стороной ладони и роняет крылья.

— Почти падение ангела на грешную землю, — ухмыляюсь и присаживаюсь на корточки, чтобы подобрать эту чепуху из перьев, блесток и тюля.

— Я сама, — тут же тянет руки.

— Я помогу, — засовываю крылья под мышку.

Алиса бросает на меня не в тему зашуганный взгляд, снова трет щеки, моргает и на выдохе слегка меняет настрой.

— Спасибо, — кивает, обнимая себя руками.

Ветер треплет ее темные волосы, позволяя запаху духов дотянуться до моего носа. Слышу что-то кислое, пыльное и такое же душное, как эта девчонка. Мне не нравится. Совсем.

И она мне тоже не нравится. Можно сказать — раздражает. Да, очень точное определение.

Ростовецкая слишком шумная, слишком правильная, слишком впечатлительная и, при всех этих минусах, не слишком красивая. Не страшная, нет. Обычная. На раз два сольется с толпой и станет безликой. Ну, если не откроет рот.

А рот у нее очень даже ничего, вполне себе такой рабочий…

— Пожалуйста, — киваю, продолжая вести себя миролюбиво, несмотря на адское желание свалить отсюда куда подальше. Вечер в самом разгаре, а я до сих пор торчу дома, еще и с кем-то вроде Ростовецкой.

Хочется уйти, прямо сейчас, но у меня спор, поэтому я остаюсь стоять напротив этой девки.

Снова замечаю мурашки на ее плечах и то, как посинели ее губы.

Логично будет отдать ей сейчас свой пиджак. Логично сделать так, если тебе кто-то небезразличен. Тупо, потому что с чего бы вдруг ты сам, блин, должен мерзнуть, но логично в рамках всей этой любовно-ванильной срани.

В моей ситуации это еще и что-то вроде дополнительного балла в ее глазах. Видимо, после этого спонтанного минета они мне теперь очень даже нужны.

— Так что, тебя подвезти? — Огибаю Ростовецкую и, оказавшись у нее за спиной, снимаю с себя пиджак. — Дрожишь, — поясняю свои действия, когда накидываю свой пиджак на ее плечи.

Ветер тут же пролезает ко мне под футболку, обдавая прохладой и свежестью.

— Нет, — мотает головой. — Вызови мне такси, я верну деньги за поездку в универе.

— Окей, — мгновенно соглашаюсь.

Это идеальный вариант. Быстро заказываю машину в приложении и пишу Гере, спрашивая, где он, чтобы подскочить.

— Пишет, пятнадцать минут, — сообщаю Алисе, и она снова кивает.

Пятнадцать минут тишины меня не устраивает вот совершенно, поэтому продолжаю:

— Почему ты плакала? Все это больше смешно, чем грустно, — ухмыляюсь.

Ростовецкая ловит мой взгляд, снова становясь максимально серьезной.

— Тебя это не касается, — отворачивается, закусывая нижнюю губу.

— Окей, — растягиваю буквы, — ты девственница?

— Что?

Алиска реагирует на мои слова резким поворотом головы и снова выпускает иголки.

— Ты совсем придурок, Стеклов? — злится и тут же снимает с себя мой пиджак. — Забери, — бросает его в меня и чешет в сторону ворот.

— Да подожди, — едва сдерживаю смех. — Это шутка.

— Засунь себе свои шутки в то самое место!

— В какое? — нагоняю ее, подстраиваясь под шаг.

— Мое такси, — замечает приближающиеся фары. — Наконец-то я от тебя избавлюсь, — шипит себе под нос, но я слышу.

— Не надейся, — играю бровями, ухватив Ростовецкую за руку. — Вообще, — шепчу на ухо.

Ладно, сто́ит признать, что при всех моих «высокоморальных» фи в отношении этой девы, трогать мне ее очень даже заходит. Всю бы излапал. Есть в ее фигуре что-то притягательное, отчего руки к ней так и тянутся.

— Пусти, Стеклов! — взвизгивает и вмазывает мне по яйцам.

— Сучка! — сгибаюсь, отпуская эту сумасшедшую на все четыре стороны.

— Козел! — верещит и запрыгивает в такси.

Коза драная! Самое время попрыгать на пятках, блядь.

Я ее убью. Нет, я ее соблазню, трахну, а потом уже убью.

Так и будет!

Она мне за это ответит по полной. Влюбится. Сама не сообразит, когда и как, а потом уже отсосет в любом месте и в любых позах даст.

12

Алиса

— Девушка, с вами все в порядке? — спрашивает таксист, глядя на меня в зеркало.

Растираю по щекам реки слез и нахожу в себе силы кивнуть. Потом добавляю уже словами:

— Да, все хорошо, — улыбаюсь через силу, а сама снова и снова проживаю в своей голове тот ад, что случился со мной на выпускном.

Восемнадцать. Лето. Одиннадцатый класс. Мы больше не школьники, уже почти студенты.

Красивый ресторан, музыка, платья, укладки, улыбки, бесконечные вспышки камеры. Лучший в городе фотограф.

Я была счастлива. Золотая медаль. Перспективное будущее. Скорый переезд от родителей. Меня ждала Москва, а я ждала, когда в ней поселюсь, когда вкушу новых знаний, найду новых друзей.

Мы с одноклассницами позировали у пресс-вола, обнимались. Парни шутили.

Родители сидели в соседнем зале, парни вечно бегали покурить на улицу так, чтобы их не спалили, там же догонялись спиртным, потому что на выпускном было только некрепкое вино.

Я танцевала до приятной ноющей боли в ногах, а когда заиграл медляк, улизнула в туалет, чтобы Сашка Громов снова не начал ко мне подкатывать.

В туалете было пусто. Только я, ненавязчивая музыка из колонок и шум воды. Я ополоснула руки, подправила укладку лаком и уже собиралась выходить, когда в туалет зашел Громов. Он улыбался, прикалывался, подкатывал. Потом попытался поцеловать и столкнулся с моим безразличием. Я так много раз на протяжении учебного года говорила ему, что между нами ничего не может быть, но он не хотел слушать. В какой-то момент даже начал сталкерить. Караулил у дома. Отчитывал за мои поздние прогулки с подружками, отваживал всех интересующихся мной парней и ничего не хотел слушать.

Я же, просто решила не конфликтовать. Сделать вид, что не замечаю ни его, ни его странной опеки. В конечном счете он никогда и пальцем меня не трогал. Все было лишь на словах.

Но не в тот вечер на выпускном.

Он был пьян. Зол. Я снова ему отказала и увидела перед собой не человека больше, нет, монстра. Монстра, который ломал все мои попытки сопротивления.

Он целовал меня своим мерзким ртом, лапал «грязными» руками. Порвал мое платье, белье.

В тот момент мне казалось, что жизнь остановилась, казалось, что я мертва.

Когда я пыталась кричать, он зажимал мне рот ладонью, а когда укусила за эту самую ладонь, ударил. Ударил по голове.

Я упала, не чувствуя земли под ногами. Я упала, а он набросился сверху продолжать начатое. Разодрал подол, трусы, я видела, его уродливый член, который он вытащил из своих штанов и приставил к моим губам. Из глаз брызнули слезы, я крепко сжала зубы и чувствовала его мерзкий запах. Чувствовала склизкую жидкость на губах и захлебывалась слезами.

Если бы не зашедшая в туалет классная руководительница, он бы меня изнасиловал. Он бы сделал это, я знаю, потому что видела это в его глазах. Видела, что он бы не остановился.

Закрываю лицо ладонями и трясу головой, чтобы снова забыть этот кошмар. Он преследовал меня во снах целый год. Целый год я боялась своей тени и училась обороняться. Ходила на курсы по боксу весь первый курс. Делала все, чтобы меня никто не тронул…

Мне потребовался год, чтобы вернуться к нормальной жизни и забыть. Целый год, а сегодня я увидела Стеклова с той девушкой и чуть не умерла во второй раз. Мозг отключился, в глазах скапливались слезы. Меня трясло.

Понимаю, что у них все было по согласию, я это понимаю, но меня все равно трясет, я все равно чувствую страх, холодящий тело и разум. Мне больно физически. Мне больно морально.

Мне едва хватает сил, чтобы дышать.

Они дали мне вспомнить, не осознавая этого, протащили через тот вечер, о котором я хочу забыть.

Такси останавливается у здания общежития, и я понимаю, что нужно выходить. Нужно встать на ноги, нужно найти в себе для этого силы.

Благодарю таксиста и вылезаю из машины. До комнаты иду как в бреду. Периодически останавливаюсь для того, чтобы отдышаться.

Девчонки уже спят. Стараясь не шуметь, раздеваюсь и прячусь под одеяло, какое-то время лежу обездвиженно и плачу. Молча плачу, просто чувствуя, как по щекам катятся слезы.

Засыпаю лишь под утро. Правда, мой сон длится совсем недолго.

— Ничего себе! Девки, девки! — кричит Настя. — Просыпайтесь, скорее!

Нехотя разлепляю глаза и слышу стук в окошко. Моргаю и сажусь на постель.

Последний человек, которого я ожидаю увидеть этим хмурым утром, Стеклов.

Стеклов с букетом тюльпанов, прямо за нашим окном.

А мы живем на четвертом этаже, между прочим…

13

— Он окном ошибся? — хихикает Таня.

— Без понятия, — бормочет Настя. — Алиска, ты это видишь?

Девчонки перешептываются и смеются, как чайки. Стеклов явно сделал их утро. Мое же испоганил своим появлением еще больше.

Нехотя поднимаюсь с кровати и заворачиваюсь в огромный ярко-розовый махровый халат длиной до пят.

Глеб снова стучит, и Настя тянется к ручке, чтобы открыть окно.

— Он кран вызвал, — сообщает Таня. — Прикиньте?! Целый кран, чтобы подняться на этаж через окно!

— Мамочки, как романтично. Интересно, кому из девчонок наших такое счастье прилетело?

— Да уж. — Поплотнее запахиваю халат. — То еще счастье, — кривлю губы.

— Вы чего тут? — спрашивает Алинка.

Оглядываюсь. Сестра, судя по всему, только вышла из душа. На голове кандибобер из полотенца, а сама она завернута в такой же халат, как и у меня.

— Тут такое, — заговорщически шепчет Таня.

Алина хмурится, а Настя, наконец, открывает окно, впуская в комнату весеннюю прохладу и… Стеклова.

— Ты, кажется, этажом ошибся, — смеется Танька.

Чувствую, как меня подхватывает под руку сестра, и, немного повернув голову, замечаю в ее глазах щенячий восторг. Интересно…

Для меня увидеть Глеба утром, еще и в своей комнате, не то, к чему я стремлюсь в жизни. Стеклов меня раздражает своей наглостью. Он думает, что ему все позволено. Думает, что неприкасаемый и может творить любые гадости.

Он, как и его друг Герман, не те люди, с которыми сто́ит дружить, да и просто иметь хоть какие-то отношения.

Алина же, судя по реакции, имеет на этот счет абсолютно противоположное мнение.

— Не, я туда, куда нужно, — лыбится Стеклов и спрыгивает с подоконника, оставляя на нем грязные следы от своих огромных кроссовок. — Алиса, — протягивает мне букет. — Тебе.

Девчонки замирают. Продолжают глупо улыбаться, но больше и слова не говорят.

Алина слегка болезненно впивается ногтями в мое предплечье в этот момент.

Морщусь и снова смотрю на следы, которые он без зазрения совести оставил на подоконнике. Ему ведь даже в голову не придет разуться. Я уверена.

— Спасибо, но я обойдусь.

Отворачиваюсь и, отлепившись от сестры, выхожу из комнаты.

Мы живем в общаге квартирного типа. У нас есть смежный санузел, кухня и две комнаты. Всей этой роскошью мы пользуемся вчетвером, потому что у меня с комендой отличные отношения, и она никого к нам больше не подселяет, хотя могла бы. Два свободных койко-места простаивают.

Перемещаюсь на кухню, достаю стакан и наливаю в него воды из фильтра. Голова раскалывается. Я почти всю ночь не спала, а наутро еще вот такое счастье.

— Ростовецкая, я не понял…

Стеклов появляется за моей спиной, держа в руках розовые тюльпаны. Их штук сто, не меньше.

— Стеклов, забирай свой веник и вали отсюда, — отмахиваюсь и засовываю в рот таблетку. — Хотя нет, подожди. — Иду в прихожую, беру свою сумку и вытаскиваю деньги. — Вот, это за такси. Спасибо, что выручил, — благодарю и открываю дверь. — А теперь уходи.

— Алиса! — вмешивается сестра. — Ты чего такая злющая с утра? Глеб же от чистого сердца. Правда?

— Вот именно, — поддакивает Стеклов.

— Пьяный и в грязной обуви, которую даже не удосужился снять? — приподнимаю бровь.

Стеклов смотрит на свои кроссовки, хмурится, оглядывается на спальню и, почесав затылок, разувается.

— Готово, — снова лыбится, как самый настоящий придурок.

— Глеб, будешь кофе? — расплывается в глупой улыбке Алина. — И цветы, давай я цветы в вазу поставлю. У нас есть, — забирает у Стеклова букет.

Закатываю глаза и, не желая смотреть это представление, возвращаюсь в спальню.

— Что он тут забыл? — набрасываются с вопросами девчонки.

— Без понятия, — пожимаю плечами. — Кофе попить, видимо.

— Реально будет пить у нас кофе?

Девочки с интересом идут на кухню, а я закрываю окно.

Это какая-то шутка? Прикол? Чего ему здесь надо?

Касаюсь пальцами губ. Вчера он меня поцеловал, сегодня явился с цветами…

Это странно. В его искренность я не верю. Совсем не верю.

Дверь за моей спиной хлопает, и мне приходится обернуться и отвлечься от своих мыслей.

— Ты охренела, Алиса? — спрашивает грозным шепотом Стеклов, надвигаясь на меня мягкой грациозной поступью.

— Я? Ты ничего не перепутал? Кажется, вы со своим Германом этой ночью перепили, если ты здесь.

Глеб прищуривается и подходит ближе. Снова и снова. Пока не зажимает меня между собой и подоконником.

— Я же вчера сказал: Ты. Мне. Нравишься.

— И? Я теперь должна тебе в ноги упасть? — вздергиваю бровь.

14

Глеб

— Ты че такая коза? Я искренне, вообще-то.

— Ага. Очень верю, — цокает своим язычком.

Бесит!

Я тащил ей этот гребаный веник через полгорода, а она смотрит на меня как на говно. Нормально, нет?! Сучка.

Стою здесь, распинаюсь перед ней, как сопливый подросток, а ей похер.

Коза, блин.

Неужели ее удел и правда бегать только за преподами, чтобы исправить пятерку на пятерку с плюсом, как шутканул Гера?!

Ее сестра явно посговорчивей. Надо было на нее спорить…

— Иди уже отсюда, Стеклов, — вздыхает и пытается отодвинуться от меня.

Ага, хрен ей. С места теперь не сдвинусь.

Я, как долбаный дебил, в это окно барабанил, и что по итогу?!

Идея с цветами и окном появилась под утро, когда мы с Герой проезжали мимо цветочного. Нас растащило от вискаря, абсента, текилы…

Гришин трепался про очередную телку тридцать плюс, с которой протусовался половину ночи, пока не нагнул ее в своей тачке, и между делом вывез что-то вроде: «Надо послать ей цветы за охуенный минет. Знать бы адрес».

Он ржал, затягиваясь сигаретой, а я как раз заметил круглосуточный ларек с цветами.

Адрес Ростовецкой я знал. Че его не знать? Общага она и в Африке общага. Выяснить комнату и сторону, на которую выходит ее окно, — дело пяти минут.

И вуаля, вот я здесь. Стою напротив этой бешеной козы и терплю все ее оскорбления в угоду спору.

— Серьезно, — жму плечами и сжимаю Алискину ладонь в своей. — Я говорю тебе серьезно, ты реально мне понравилась.

Ростовецкая вздрагивает и зыркает на меня своими глазищами.

Рассматриваю ее сейчас детальней. Волосы по лопатки. Прямые, густые, темные. Сердцевидное лицо с острым подбородком и румяными яблочками, посредственные губы без особой припухлости и ямочки на щеках. Но сейчас, когда улыбается, точно проступают ямочки.

Зачем я это помню и когда вообще успел заметить, понятия не имею. Ростовецкая в принципе не особо-то умеет улыбаться. А вот трахнуть кого-нибудь в мозг — любит, умеет, практикует.

— Я искренне тебе верю, — ухмыляется, качнув головой. — Все? Теперь иди.

— Куда? — провожу большим пальцем по тыльной стороне ее ладони.

— Домой, Глеб. Иди, пожалуйста, домой.

— Не, я к тебе ехал, — отступаю и встаю с ней рядом.

— Ладно, тогда я уйду, — делает шаг.

Тут же перехватываю ее за запястье. Не, так не пойдет.

— Стеклов, — шипит, дергая рукой, — это не смешно. Тебе — может быть, но мне точно нет. Уходи!

— Ладно, — соглашаюсь и отталкиваюсь от подоконника, выпуская Алиску из захвата. — Уговорила, я свалю сейчас, но ты завтра сходишь со мной на свидание.

Действовать надо быстро. Шантаж так шантаж. Сама напросилась.

— Чего?

— Иначе я у вас поселюсь.

Алиска издает смешок.

— Серьезно. Поверь, меня отсюда не выпрут, — подмигиваю. — Так что?

— Ничего, уходи, — прижимает ладони к моему предплечью и начинает толкать к двери.

— Ты не ответила, — стою на своем, не позволяя ей сдвинуть себя ни на шаг. — Да или нет?

— Тебе нечем заняться? Что за бред?

— Да или нет?

— Да. Да. Иди уже!

— Если обманешь, накажу, — подмигиваю и, крутанувшись на пятках, шагаю к двери. Притормаживаю уже на пороге. — Проводишь?

— Обойдешься.

— Не, видимо, и правда надо остаться.

— Ладно! — психует, переходя на крик. — Пошли.

Ростовецкая выходит вместе со мной в коридор, прикрывает за нами дверь и складывает руки на груди.

— Все? Я проводила, уходи.

— А поцелуй на прощание?

— Стеклов, я тебя сейчас ударю, понял?

— Боевых хомяков не боюсь.

— Уверен? — бросает взгляд на мою ширинку, намекая на то, как заехала ночью мне по яйцам.

— У тебя получилось чисто случайно.

— Ну да, ну да, успокаивай себя этим.

— Лисенок…

Ростовецкая морщится, а потом, чуть выставив ладонь вперед, вытаскивает из кармана мобильник.

— Да. — Прикладывает смартфон к уху. — В смысле заболел? — взрывается через секунду. — У нас концерт на носу! Ректор будет, из администрации городской люди! Ты меня подставляешь, сейчас, — возмущается и проводит рукой по лбу. — Ты не имеешь права болеть в такой ответственный момент! И что нам делать теперь? Антон, блин! Что я? Я с температурой сорок конкурс красоты в том году организовывала, и ничего, не умерла.

Судя по быстро меняющимся на ее лице эмоциям раздражения, этот Антоша продолжает ей что-то упорно затирать.

— Все ясно с тобой. Поняла, ага. — Скидывает звонок. — На освобождение от пар можешь больше не рассчитывать, — злобно шипит себе под нос, а потом переводит взгляд на меня. — Ты, кажется, что-то про свидание говорил?

— Ага. Завтра, — киваю.

— Отлично. Заменишь в нашей постановке одного безответственного идиота, и будет тебе свидание.

Че, блядь?

15

Алиса

Стеклов замирает с таким лицом, словно я предложила ему прыгнуть с крыши.

— Я? — спрашивает, все еще продолжая пялиться на меня как на привидение.

— А ты здесь кого-то еще видишь? — Оглядываюсь для правдоподобности, едва сдерживая улыбку.

Я прекрасно понимаю, что он не согласится. Где Стеклов и где вся наша вузовская внеучебная деятельность. Просто забавно наблюдать, с какой скоростью и оттенками меняются эмоции на его лице. От полного отвращения до неверия. В какой-то момент он смотрит на меня как на умалишенную. Впрочем, мне именно это от него и нужно. Теперь он от меня точно отстанет.

— Репетиция завтра в четыре. Второй корпус, первый этаж. Сто третья аудитория. Не опаздывай.

— Завтра? — заторможенно переспрашивает Глеб, чем смешит меня еще больше.

— Ты чем-то занят в это время?

Стеклов оглядывается на дверь в соседский блок и чешет затылок.

— У тебя, наверное, много важных дел, — подсказываю ответ. — Да?

Глеб ловит мой взгляд. Смотрит в упор не моргая. Злится. Вижу, что злится.

— Я приду, Алиса.

Его слова звучат с вызовом, и на пару секунд я даже жалею о своем предложении. Что, если и правда придет? Только вот это опасение развеивается так же быстро, как и появилось в моей голове. Придет? Ну и пусть. Надолго его все равно не хватит.

Конечно же, он сольется. Это не его формат «тусовки».

— Супер, — расплываюсь в довольной улыбке и показываю два пальца вверх. — Тогда жду тебя. Кстати, если хочешь, можешь заехать за мной, — пускаюсь во все тяжкие.

Знаю, что они с Германом что-то задумали, почему бы не подыграть?

Стеклов явно на такое не рассчитывает, а эффект неожиданности тем и хорош!

Правда, говоря все это, внутри я дико нервничаю и, если уж быть откровенной — жутко его боюсь. Он двинутый на всю голову. Я сейчас почти добровольно лезу в пасть к тигру, честное слово.

— Без проблем. — Смотрит на меня все тем же волчьим взглядом, правда, теперь его губы мне улыбаются. — Обязательно заеду.

Он почти шепчет, и это оказывает на меня такой странный эффект: дыхание перехватывает, спина и плечи покрываются мурашками, которые вот-вот доползут до шеи, а сердцебиение учащается.

Тру ладони друг о друга и, проглотив эти странные эмоции, отвечаю:

— Тогда договорились. У меня завтра пары до двух. В половине четвертого буду ждать тебя здесь, на крыльце.

Глеб медленно кивает, поджигая меня глазами. Они у него демонические. Он самое настоящее воплощение ада на земле. Красивое отравленное яблоко…

— Договорились, — проговаривает шепотом, — но после этой, — кривит губы, — репетиции, — ты поедешь со мной.

— Куда?

Вот такого поворота я не ожидала. Это не вписывалось в мой план.

— В ресторан.

В ресторан? С ним?

Боже упаси, конечно!

Вслух, правда, произношу другое:

— Ладно. Значит, в ресторан.

Улыбаюсь шире, напрягая мышцы щек на максимум, и, взмахнув рукой, возвращаюсь в комнату, бесцеремонно захлопывая дверь прямо перед носом Стеклова.

Ухожу почти победительницей. Это, конечно, не полноценный ответ за его причуды в туалете, но тоже вполне неплохо!

Нет, нужно говорить так: «Ты была хороша и неподражаема, Алиса!»

— Фух, — выдыхаю, прилипая спиной к стенке, и, немного подумав, запираю блок за защелку.

— Что это было, Алиса?

Алинка выскакивает из кухни с такими огромными и возмущенными глазами, что мне становится дико смешно от одного ее вида.

— Стеклов, — жму плечами и топаю на кухню. Мне нужен травяной чай, срочно. Мои нервы явно не в порядке.

Только сумасшедшая могла заключить с Глебом такую глупую сделку.

— Я понимаю, что Стеклов. Чего он тут делал? Почему принес тебе цветы? Вы встречаетесь и ты молчишь? Сама с ним мутишь, а мне запрещаешь…

— Стоп, — обрываю Алинкин словесный понос, — я ни с кем не встречаюсь. У Стеклова просто проблемы с головой, и он уверен в своей неотразимости.

— Это да, — хихикает Таня.

— Именно, — щелкаю пальцами и улыбаюсь. — Он просто местный дурачок, Алиш. Вот и все, вот и все.

Развожу руки в стороны, а потом достаю из ящика свой травяной чай.

Сестра надувается, как воздушный шарик, и, скрестив руки на груди, смотрит на меня исподлобья.

Игнорирую ее обидку и заливаю в кружку кипяток. В конце концов, мне сейчас нужно думать о том, как я буду вести себя завтра. У нас почти последняя репетиция перед концертом, Антон меня очень подвел, а Стеклов… Надежности в нем ноль. Не уверена, что его запала хватит, чтобы дотянуть до концерта, но не поиздеваться над ним на этой репетиции я просто не могу.

— Кстати, Насть, раскидай по чатам, что нам нужна замена для Антона. Он заболел, — прошу подругу и делаю глоток чая.

***

Шестнадцать тридцать две.

Не приедет.

Еще раз проверяю время и ухмыляюсь. Я была права!

Застегиваю кнопки на куртке и спускаюсь по ступенькам с крыльца.

Вытаскиваю из сумки наушники, но не спешу их надевать, потому что слышу музыку, громкость которой нарастает с каждой секундой. Поворачиваю голову на звук и вижу машину Стеклова.

Черный спорткар. Он останавливается рядом со мной за считаные секунды.

Сжимаю кейс с наушниками в кулак, а крыша спорткара начинает медленно открываться.

— Запрыгивай, Лиса, — Глеб бьет ладонью по сиденью и сдвигает на нос черные солнцезащитные очки.

Показушник!

16

Глеб

— Прыгай уже, Ростовецкая, я не кусаюсь!

Расплываюсь в улыбке, наблюдая, как эта заучка мечется в нерешимости.

Явно не ожидала, что я приеду.

Глеб Стеклов, если че, слов на ветер не бросает. Ну, старается, по крайней мере.

Ловлю на себе недовольный Алискин взгляд и делаю музыку чуть тише.

— Так что? — снова спрашиваю. Мимо нас проходит парочка девчонок. Поворачиваю голову и улыбаюсь. Им, конечно. Сам краем глаза палю реакции Ростовецкой. Пофиг. Ей все еще на меня пофиг. Ладно, двигаемся дальше, значит.

Сиюминутной победы я не ожидал, но и помогать ей с тупыми постановками в мои планы тоже не входило.

Алиса тем временем открывает дверь и опускается на сиденье.

На ней короткая ярко-красная куртка и широкие черные джинсы, скрывающие ноги. Она в принципе вечно шатается в каких-то объемных шмотках. Наличие у нее талии проявилось только в дурацком костюме феи.

— Не рановато ли для кабриолета? — спрашивает, рассматривая меня так, словно первый раз в жизни видит.

— Самое то, — давлю на газ, плавно трогаясь с места.

Алиса начинает быстро пристегиваться, параллельно убирая за уши раздуваемые ветром волосы.

Возвращаю крышу на место, и мы оказываемся в тачке один на один. Обстановка сразу же меняется. Чувствую искрящееся недовольство, и свое тоже.

— Спасибо, — благодарит, приглаживая волосы.

— Не за что, — киваю, откидываясь в кресло, и перехватываю руль одной рукой.

— У водителя обе руки должны быть на руле, — тут же душнит Ростовецкая.

— Если ты опасаешься, что я нас убью, расслабься. Я слишком люблю себя и жизнь.

— Аварии случаются со всеми, вообще-то!

Наращиваю скорость, замечая, как Алиска вцепляется в свою сумку и несколько раз дергает ремень, чтобы проверить, сработает ли он, если что.

— Слушай, ты всегда такая?

— Какая?

— Заёбистая.

— Что?

— Просто наслаждаться жизнью можешь? Весна. Солнышко вон. Тачка шикарная. Учеба гребаная скоро закончится. Красота же!

— У меня совершенно другие понятия о «красоте». Я люблю учиться. Не люблю пафосные тачки, и умею! Умею наслаждаться жизнью, только по-другому. По-нормальному!

— По-нормальному — это как? Взывать к духу всезнайки, чтобы помог сдать очередную сессию на пятерки? — улыбаюсь.

Алиска краснеет и злится.

— Я тебя задел? Прости, это не входило в мои планы. Просто не понимаю, как можно всегда быть такой серьезной? Ты же красивая, классная девчонка. Расслабься на пару минут, может, втянешься.

Ростовецкая сжимает пальцы в кулаки и бросает на меня раздраженный взгляд.

— Ладно-ладно. Понял, прости, — отрываю руку от руля и поднимаю вверх уже обе.

Алиска тут же подается в моею сторону с криком:

— Держи руль!

— Да держу-держу, — ржу и перестраиваюсь в соседний ряд.

— Ты нормальный вообще, Стеклов?!

— Вполне, — киваю.

Алиса отворачивается. Следующие минут десять-пятнадцать мы едем в тишине. Меня она не напрягает, в общем-то. Но я вновь сбился со своего курса. Это… в новинку, когда выстраивать гребаные отношения приходится тебе одному и самому. Она не то что не помогает, наоборот, вставляет палки в колеса. Не ведется ни на тачку, ни на обещанный рестик, по хрен ей на все.

Материальное для нее — пустой звук. Как я сразу не допер?

Барабаню пальцами по рулю и произношу:

— Извини, Алиса.

Ростовецкая моргает и смотрит на меня. Не то чтобы с интересом, хотя, может быть, и с ним…

— Я сначала болтаю, — хмурю брови, — потом думаю. Извини. За то, что случилось у меня дома, за букет, — печально улыбаюсь, — и за сегодняшний день тоже. Я правда не хотел тебя обижать.

Ростовецкая молчит, я же продолжаю:

— Глупо вышло с букетом. И сейчас тоже. Я правда не хочу тебя обижать, но постоянно получается как-то иначе, — вздыхаю.

Мельком смотрю на Ростовецкую. Она поджимает губы. Слушает меня внимательно. Ведется?

Сущность внутри меня ликует в этот момент. Вот так, девочка. Правильно. Ты должна начать мне верить, а потом доверять.

Непробиваемых не существует.

Правда, прикидываться милым зайкой, которому с ней интересно, напрягает.

Я бы сейчас мог тусоваться где-нибудь, а не катить по городу на минимальной скорости в угоду этой дуре, еще и в какой-то кружок художественной самодеятельности.

— Глеб, я знаю, что вы с Германом что-то задумали. Я не глупая.

— Что, например? — снова смотрю на нее.

— Ты мне скажи.

— Ладно. — Отворачиваюсь, стискивая зубы, включая обиженку. — Думай как хочешь.

Пялюсь в лобовуху, чувствуя, что Алиска все это время смотрит на меня не отводя взгляда.

Несколько раз касается свей щеки, трет друг о друга ладони и убирает волосы за ушко.

— Ты же не обиделся? — нервно хихикает.

— Конечно же, нет. По твоему мнению, уверен, я на такое неспособен даже, — бросаю слова так, чтобы в них чувствовалась обида.

— Глеб…

— Проехали.

Притормаживаю на светофоре. Алиска все еще на меня смотрит, поджав губы. Анализирует. Прикидывает — верить мне или нет.

— Если ты правда искренне, то извини. Просто ты не похож на…

— Нормального человека? — хмыкаю.

— На того, у кого есть чувства.

— Весело, наверное, навешивать на людей ярлыки, да, Алиса? — смотрю на нее. — Чувствуешь сразу свое превосходство в такие моменты.

— Я не вешаю…

— Серьезно? — улыбаюсь и ловлю ее взгляд.

Алиса вздыхает и отворачивается.

— Я же говорил, — жму плечами.

Ростовецкая молчит и заговаривает снова лишь тогда, когда мы паркуемся у корпуса.

— Я не хотела тебя обижать. Просто… ты же сам знаешь, что о тебе говорят.

— В курсе. — Глушу движок и разворачиваюсь к Алиске корпусом. — Но очень хочу, чтобы ты захотела узнать меня настоящего.

17

Алиса

Толкаю дверь, пытаясь не реагировать на слова Стеклова. Я не хочу узнавать его получше. В этом нет никакого смысла. Ни для меня, ни для него. Нет, но я зачем-то в принципе вступаю с ним в диалог и провоцирую. Если бы не мое глупое предложение, его бы сейчас здесь не было. Алина права — я сама вечно наживаю себе проблемы.

— Вот так просто сбежишь? — спрашивает с нотками веселья в голосе.

Замираю. Я сижу к нему спиной и уже успела поставить одну ногу на асфальт.

Сижу теперь словно на перепутье. И сбежать не могу — покажу свою слабость, и оставаться, чтобы вести душевные беседы — у меня тоже особого желания нет.

— Я не сбега́ю. — Все-таки смотрю на него, несмотря на то, как сильно он меня нервирует одним своим присутствием. — Если ты помнишь, мы должны быть на репетиции. — Проверяю часы. — Уже ровно как три минуты.

Стеклов кивает и молча выходит из машины. В первые секунды теряюсь, а когда сама оказываюсь на улице, понимаю, что он правда хочет пойти со мной.

Я была уверена, что до этого не дойдет. Но мы здесь, у корпуса, и Глеб не намерен никуда уезжать.

— Зачем тебе это? — спрашиваю, поднимаясь по ступеням.

— Я тебе уже отвечал.

— Ты сказал, — закатываю глаза, — что я тебе нравлюсь, и поэтому…

— Поэтому, — кивает и открывает для меня дверь.

Неловкость в этот момент зашкаливает. Моя точно. У Стеклова же, судя по всему, все отлично. Хотя такие, как он, и неловкость — классические параллельные прямые. Не пересекаются.

— Спасибо, — сцепляю руки в замок перед собой.

Я ему не верю. Совсем-совсем не верю, но, несмотря на это, сомнения все равно закрадываются. Я не понимаю, почему он выбрал меня. Не понимаю, с чего вдруг обратил столь пристальное внимание. Да, мы знакомы почти два года. Заочно знакомы. Но за все это время по факту ни разу даже не разговаривали друг с дружкой. А теперь вот…

Это какая-то коварная месть за то, что я накричала на него из-за Алины?

Слишком сложно. Зачем ему так заморачиваться? У него полно куда более интересных дел. Бары, клубы, девчонки, тачки, алко, не знаю…

— Нам туда, — указываю рукой влево, и мы сворачиваем в коридор. — Аудитория там.

Глеб снова кивает и убирает руки в карманы. Мы идем рядом, но я все равно буквально на полшага вырываюсь вперед. Делаю это намеренно, потому что локоть Глеба то и дело меня задевает. А так, если чуть ускориться, мы не будем касаться друг друга.

— Я надеюсь, твой Антошка не деревом был? — подает голос Стеклов уже у двери в аудиторию.

Замираю и смотрю на Глеба, не сразу понимая, о чем он.

— Что?

— В богадельне вашей. Это же спектакль, не?

— Боишься подпортить свою репутацию ролью дерева? — смеюсь.

— Опасаюсь.

Он жмет плечами, а потом улыбается. Улыбается как-то иначе, или мне уже это кажется…

Вообще, за последний час меня мотает из стороны в сторону. Никак не могу понять, что не так, где подвох, а в глубине души при всем при этом немного радуюсь поведению Глеба. Совсем чуть-чуть. Просто это приятно — видеть в нем человека, что ли…

Отворачиваюсь, пряча улыбку, и толкаю дверь в аудиторию.

— Всем привет, — взмахиваю рукой, — простите, немного опоздала. Так. — Кладу сумку на парту и хлопаю в ладоши. — Маленькое объявление: Антон заболел, поэтому его заменит Глеб, — киваю на Стеклова, который уже успел привалиться к стене и сложить руки на груди.

В аудитории тут же начинаются перешептывания.

— Ребят, давайте все вопросы потом обсудим. Нужно еще раз прогнать материал концерта.

— Серьезно? — шепчет подошедшая ко мне Лика. — Глеб?!

— Ага, — киваю.

— Алис, как ты его уговорила? На него же все девчонки универовские посмотреть придут. Зал битком будет, — улыбается.

— Деньги с них, что ли, брать? — прижимаю пальцы к подбородку.

— Алиса! — смеется Лика.

— Нет, ну а что?! — жму плечами. — Глеб, ты заменяешь Антона и будешь конферансье, — выкрикиваю, чтобы он меня услышал сквозь шум, который создают ребята. — Текста нужно выучить немного, остальное можно будет читать с листа. — Вытаскиваю из сумки парики. — Лик, держи, рыжий нашла. В прокате на шесть дней дали, потом сразу нужно будет вернуть, чтоб проценты за просрочку не пошли. А Вика где? — снова кричу.

— Я тут, Алис.

— Все, вижу. Поехали тогда. Прогоним сегодня по-быстрому. Давайте со стендапа начнем. Он самый сырой.

Пока Вика прогоняет свой номер, я делаю себе пометки в телефоне, на что нам нужно еще сделать упор. Стеклов все это время стоит у стены, но в какой-то момент отталкивается от нее и подходит ко мне.

— Это не смешно, ваще.

Моргаю и медленно разворачиваюсь к Глебу.

— Критикуешь, предлагай, — отрезаю холодно. — Но учти, что у нас определенный формат. Шутить про члены или материться перед ректором и городской администрацией нельзя.

Стеклов ухмыляется, подходит еще ближе и берет меня за руку.

— Что ты делаешь? — выдергиваю руку из его руки и гляжу на него во все глаза.

— Я просто сказал, а ты уже так нервничаешь. Пульс зашкаливает.

— Ничего у меня не зашкаливает. — Отворачиваюсь. — Так! Ваня, Алёна, Лика, теперь вы! Максим, музыку врубай. Ты. — Смотрю на Стеклова и вручаю ему листы с текстом. — Вливайся, пожалуйста, в репетицию. Следующих сам объявишь. И смешно пошутишь, если такой умный!

Складываю руки на груди, чувствуя, как горят мои щеки.

Я злюсь! Конечно, злюсь, потому что текст этого стендапа про универ вместе с Викой писала я. Я! А этот гад все обесценил. Не смешно ему, посмотрите-ка!

Оставшиеся два часа мы прогоняем программу, делаем упор на слабые места и, к моему сожалению, смеемся над шутками Стеклова. Ребятам действительно нравятся его идиотские вставки отсебятины между номерами.

К концу репетиции от злости на него я надуваюсь до размеров воздушного шара.

— На сегодня все, — командую. — Всем спасибо.

— Алисочка, — ко мне подбегает Алёна, — слушай, я костюмы нашла. Заберешь? Это в километре от твоей общаги.

— Ладно, — соглашаюсь и вешаю сумку на плечо.

Стеклов ходит за мной по пятам и молчит. К счастью.

— Алис, у меня капец завал. Курсач надо доделывать, Козина три дня дала. От нее муж свалил, она теперь свирепствует. Я разрываюсь, — жалуется Олег уже на улице.

— Ладно, — вздыхаю, — скинь мне, что у тебя там есть, помогу.

— Спасибо, — Олежа расплывается в улыбке, — Алиска, ты человечище!

Закатываю глаза, не в силах сдержать улыбку.

— Да они все здесь на тебе ездят, — шепчет Стеклов, снова загоняя иголку мне в сердце.

— Это называется взаимовыручка.

— Алиса!

Вера догоняет нас со Стекловым у его машины.

— Одолжишь рублей двести? Через неделю верну. Кофе хочу — смерть. А денег по нулям.

— Перевела, — выдавливаю из себя улыбку и прячу телефон обратно в сумку.

— Спасибо, моя хорошая, — Вера обнимает меня за шею, целует в щеку и убегает.

— Взаимовыручка? — снова подает голос Стеклов. — Ну-ну. Садись в тачку, подкину до общаги.

— Я сама справлюсь.

— Садись уже, женщина, — закатывает глаза и открывает для меня дверь.

18

Злобно стискиваю зубы, наблюдая за тем, как от нас отдаляется Вера, а потом смотрю на часы. Половина девятого. Наши репетиционные два часа затянулись почти на пять!

Бросаю взгляд сначала на Глеба, потом на открытую дверь машины и на выдохе присаживаюсь на сиденье. Я так устала, что сил спорить с ним у меня практически не осталось.

Стеклов расплывается в улыбке и, хлопнув дверью, огибает капот машины. Наблюдаю за ним исподтишка, а когда он падает за руль, тут же опускаю взгляд в сумку, делая вид, что усердно в ней что-то ищу.

— Про ресторан не забыла? — спрашивает Стеклов, как только его машина трогается с места.

Забыла! Именно что забыла!

С этими репетициями и паникой на фоне того, что мы ничегошеньки не успеем, еще и не такое забудешь.

Желудок в этот момент предательски урчит. Ну да, поесть я тоже забыла. Утром завтракала и перехватила кусочек шоколадки на обеде. Черт!

— Видимо, не забыла, — ухмыляется Глеб и встраивается в поток машин.

— Может быть, в другой раз?

Все еще надеюсь, что никакого ресторана и псевдосвидания не будет. Ну вот кому оно надо-то?

— Ты обещала, — отрезает уже холодней.

— Помню, — киваю, — но я устала. Голова совсем не варит.

— Чтобы складывать еду в рот, активная работа мозга не потребуется, — комментирует и щелкает поворотником.

Вздыхаю и сиротливо смотрю на проплывающие мимо улицы. Кажется, мне все-таки не отвертеться. Ладно, хоть поем тогда, что ли…

— Хорошо, но заплачу я за себя сама!

— За меня тоже? — смеется.

— Нет, тут уж как-нибудь сам, — шепчу, пытаясь скрыть улыбку.

Вытягиваю ноги и на секундочку даже прикрываю глаза. В машине тепло, тихо и негромко играет музыка. Тут вкусно пахнет, и никто тебя не толкает, как это частенько бывает в метро в час пик.

— Окей, — Глеб кивает и давит на газ.

По позвоночнику в эту же секунду ползет неприятный холодок.

— Можно ехать чуть тише, — прошу, вцепляясь в ремень безопасности.

Чувствую на себе недовольный взгляд Стеклова, но почти сразу ощущаю, что скорость он сбавляет.

— Спасибо, — снова улыбаюсь и выдыхаю.

Не люблю быструю езду. Не зря же придумали среднюю скорость, с которой движется поток, нет? Зачем лишний раз подвергать себя опасности и играть в «обгонялки»?!

Глеб кивает и откидывается затылком на подголовник. Еще немного, и он просто ляжет на этом сиденье. Как вообще в таком положении можно видеть хоть что-то, что происходит на дороге?

— Что еще? — спрашивает, бросая на меня подозрительный взгляд.

— Ничего, — мотаю головой, не решаясь высказать свои мысли.

— У тебя на лбу написано, что «чего».

— Ты дорогу вообще видишь? — все-таки спрашиваю после недолгой паузы и поворачиваюсь к Глебу.

Стеклов вопросительно приподнимает бровь, глядя на меня при этом как на дуру.

— Все, что мне нужно, я вижу.

— Но есть определенные правила. Руль нужно держать двумя руками, голова должна быть…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.